

DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-2-19-33

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

М.Я. Яхьяев¹

Введение
Шахиды и шахидство в исламе
Отношение ислама к самоубийцам
Шахидизм как военно-политическое
превращение шахидства
Заключение

Поступила в редакцию: 13.03.2021.
Передана на рецензию: 19.03.2021.
Получена рецензия: 08.04.2021.
Принята в номер: 19.04.2021.

Шахидство в исламе и шахидизм в современном мире

Дагестанский государственный университет; muchtar59@mail.ru

Религиозные феномены *шахид*, *шахидство*, *шахидизм* все еще остаются загадочными явлениями в силу недостаточности их рационального осмысления. Они нередко используются радикально настроенными исламистами и проводниками международного терроризма как религиозное обоснование и оправдание самоубийственных актов, осуществляемых террористами-смертниками. В статье суть шахидства выводится из того, что шахидом в исламе становится мусульманин, обменявший свою земную жизнь на вечное существование на пути джихада как средства укрепления веры в Единого Аллаха в себе и других людях. Но при этом важно то, что на статус шахида может претендовать лишь тот мусульманин, который в сложившихся конкретных условиях, по объективной необходимости оказался готовым пожертвовать жизнью ради своей веры. Смерть в погоне за мирскими благами или самоубийство как произвольный акт, корректирующий предначертанную индивидуальную судьбу человека и являющийся преступным отказом от подчинения воле Всевышнего, не превращает покинувшего земной мир в шахида ислама. В работе также сделаны выводы о неправомерности отождествления исламского шахидства с шахидизмом как его превращенной формой, являющимся результатом преднамеренной трансформации религиозного феномена в средство решения военно-политических задач и идеологию оправдания терроризма и суицидального поведения отдельных верующих.

Ключевые слова: *религия, ислам, шахид, шахидство, шахидизм, терроризм, самоубийство.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-2-19-33

UDC 297.1

Content of the article

Information about the article

М.Я. Яхьяев²

Introduction.
Shaheeds and Shaheedism in Islam.
The attitude of Islam to suicide.
Shaheedism as a military-political transformation of Shaheed practice.
Conclusion.

Received: 13.03.2021.
Submitted for review: 19.03.2021.
Review received: 08.04.2021.
Accepted for publication: 19.04.2021.

¹ *Мухтар Яхьяевич Яхьяев* – профессор, заведующий кафедрой философии и социально-политических наук ДГУ, доктор философских наук; orcid.org/0000-0003-2243-7222

² *Mukhtar Yakhyayevich Yakhyayev* – Doctor of Sc. (Philosophy), professor, head of the Philosophy and Socio-Political Sciences Department of DSU; orcid.org/0000-0003-2243-7222

Shaheed Practice in Islam and Shaheedism in the Contemporary World

Dagestan State University; mughtar59@mail.ru

Due to the lack of rational understanding, the religious phenomena *shaheed*, *shaheed practice*, *shaheedism* still remain mysterious. They are often used by radical Islamists and agents of international terrorism as religious justification for murderous attacks carried out by suicide bombers. In the article, the essence of shaheed practice is derived from the fact that a Muslim becomes a shaheed in order to exchange his earthly life for eternal existence on the path of jihad as a means of strengthening faith in the One Allah in himself and in other people. At the same time, it is important that only the Muslim who, under specific conditions, by objective necessity, is ready to sacrifice his life for the sake of his faith, can claim the status of a martyr. Death in pursuit of worldly blessings or suicide as an arbitrary act that corrects the predetermined individual destiny of a person and is a criminal refusal to obey the will of the Almighty, does not turn the one, who left the earthly world, into a shaheed of Islam. The author also denies the identity of Islamic shaheed practice with shaheedism as its transformed form. Such identification is a result of a deliberate transformation of a religious phenomenon into a means of solving current military-political problems and a manifestation of the ideology of justifying terrorism and the suicidal behavior of individual believers.

Keywords: *religion, Islam, shaheed, shaheed practice, shaheedism, terrorism, suicide.*

Введение

Одна из популярных тем современности, по которой накопился солидный массив публикаций, правда, не столько научного, сколько публицистического и комментаторского характера, посвящена шахидству и шахидизму. В нем они представляются как религиозные исламские феномены и чаще всего сопрягаются с войной, террором, самоубийствами, «живыми» бомбами. В научном исламоведении эти явления все еще остаются рационально не осмысленными и не выраженными в понятийной форме. Редким исключением в этом ряду публикаций являются работы И. Добаева «Исламистский «шахидизм»: мученичество или терроризм?» [9], С. Чудинова «Терроризм смертников: проблемы научно-философского осмысления (на материале радикального ислама)» [23], М. Мекеровой «“Зеленые птицы рая”, или Мусульманская теология шахидства» [16], где авторы пытаются объяснить феномен шахидизма, проанализировать трансформацию его содержания в радикальных идеологических доктринах, показать теологические основы и психологическую мотивацию шахидства в исламе.

Проблема шахидства не получила основательной разработки не только в научном, но и в конфессиональном исламоведении. Исламские теологи, даже те, которые категорически отрицают существование каких-либо оснований отождествлять терроризм смертников с шахидством в исламе, по большей части ограничиваются голословными утверждениями о шахидизме как о неисламском или даже антиисламском явлении. Они не углубляются в осмысление истоков и догматических оснований шахидства, не дают внятных разъяснений, в чем суть феномена *шахидство*, и не объясняют, почему шахидизм несовместим с исламской религией. Отсутствие развернутого научного, теологического и богословского обоснования этого многосложного явления, отражения его глубинной сущности в понятийной форме превращает шахидство в загадочный феномен, зачастую

используемый вождями-вдохновителями международного терроризма как исламское оправдание деструктивной деятельности террористов-смертников.

Попытаемся разобраться в том, что же это за явления *шахид* и *шахидство* и почему *шахидизм* неправомерно представлять религиозным исламским феноменом.

Шахиды и шахидство в исламе

Почти все популярные носители справочной информации исходят из того, что «погибший моджахед считается шахидом, то есть засвидетельствовавшим свою веру перед Аллахом» [12, с. 60]. И такое представление шахидства выводится из этимологии слова: «Шахид происходит от коранического арабского слова, означающего «свидетель»» [24]. Исламский энциклопедический словарь несколько конкретизирует содержание этого термина: «Шахид (мн. шухада) («свидетель») – в исламе термин применяется в значениях: 1) свидетель в суде, при торговых сделках, при заключении брака (шахид); 2) верующий, принявший мученическую смерть в войне против врагов, сражаясь во имя Аллаха, защищая свою веру, родину, честь, семью (шахид). Не имеет значения, был ли шахид убит врагом, или смерть наступила в результате несчастного случая, или шахид найден убитым после боя и причина смерти неизвестна, а также были ли на нем следы крови, погиб ли он сразу или умер из-за ранения...» [4].

Несмотря на наличие разных исходных значений термина *шахид*, почти все авторы, анализирующие это явление, практически полностью отвлекаются от первого из приведенных выше значений и рассуждают о шахидах исключительно как о приверженцах ислама, принявших мученическую смерть в войне с врагами или павших при других обстоятельствах. И такой акцентируемый смысл шахидства выводится из ряда повторяющихся всеми авторами ссылок на Коран, которые рассматриваются в качестве достаточного основания, чтобы представить шахидов как верующих-мусульман, пожертвовавших самой большой ценностью, которую они имели – своей жизнью: «И никак не считай тех, которые убиты на пути Аллаха, мертвыми. Нет, живые! Они у своего Господа получают удел, радуясь тому, что даровал им Аллах из Своей милости, и ликуют они о тех, которые еще не присоединились к ним, следуя за ними, что над ними нет страха и не будут они опечалены» [14, с. 77–78]. «А тем, которые выселились или были изгнаны из своих жилищ, и были подвергнуты страданиям на Моем пути, и сражались, и были убиты, – Я очищу их дурные деяния и введу их в сады, где внизу текут реки – в награду от Аллаха, а у Аллаха – хорошая награда!» [14, с. 79–80].

Последующая конкретизация понятий *шахид* и *шахидство* осуществляется при помощи ссылок на хадисы. Чаще всего приводится хадис, где говорится: «Однажды Мухаммад спросил своих сподвижников: «Кого из вас вы считаете шахидами?» Они сказали: «О посланник Аллаха, кого убили на пути Аллаха, тот и является шахидом». На это Пророк сказал: «В таком случае мало будет шахидов в моей общине!» На вопрос сподвижников: «Кто же они тогда, о посланник Аллаха?» Пророк ответил: «Убитый на пути Аллаха является шахидом, и умерший на пути Аллаха является шахидом, и умерший от чумы является шахидом, и умерший от болезни живота является шахидом, и утонувший является шахидом» [18, с. 570–571].

Приводя хадис Мухаммада, в котором он говорит о ста ступенях рая, которые «Аллах приготовил для тех, кто боролся на пути Аллаха...» [5, с. 170], богословы восторженно описывают рай как многоуровневое место пребывания праведного мусульманина в загробном пристанище. Степень самого высшего

уровня *Фирдаус*, располагается посередине рая, выше которого только Трон Всевышнего и откуда начинаются все райские реки. Именно на этой ступени пребывают души пророков и праведников, и она же ожидает души мусульман, ставших шахидами. В «Сахихе» Муслима следующим образом представляются особенности пребывания душ шахидов в Фирдаус: «Мы спросили об этом Пророка, и он сказал: “Их души внутри зеленых птиц, у которых есть фонари, прикрепленные к Трону. Они питаются в Раю, где пожелают, а потом возвращаются к этим фонарям”. Господь взглянул на них и спросил: “Желаете ли вы чего-нибудь?” Они ответили: “Что еще мы можем желать, ведь мы питаемся в Раю, где пожелаем?”. Он задал им вопрос трижды, и когда они поняли, что им непременно придется попросить о чем-либо, они сказали: “Господи, мы хотим, чтобы Ты вернул наши души в тела, чтобы мы еще раз были убиты на Твоем пути”. Увидев, что они не испытывают никакой нужды, Аллах оставил их» [5, с. 153].

Из таких авторитарных представлений высшей ступени рая следует то, что ее обитатели лишены чувственной человеческой природы, так как они там пребывают в особом трансформированном состоянии: в форме чистых духовных субстанций. Но нахождение душ пророков, праведников и шахидов в гортанной пазухе райских птиц в форме нематериальных сущностей есть не что иное, как тотальный отказ от всех телесных привязанностей, наслаждений, страстей, вожелений. И такое понимание логично увязывается с желанием, высказанным обитателями Фирдаус, когда на многократно заданный Господом вопрос: «Желаете ли вы чего-нибудь?», они просят лишь одного, а именно вернуть их души в чувственные человеческие тела для того, чтобы еще раз получить возможность быть убитыми и испытать чувственные мучения на пути Аллаха. Право непосредственно созерцать величие Творца и свободно, без каких-либо ограничений перемещаться в раю («ведь мы питаемся в Раю, где пожелаем») для шахидов и является сверхчеловеческим блаженным состоянием, свободным от каких-либо чувственных привязанностей.

Ат-Тирмизи и Ибн Маджи разъясняют, какие конкретно вознаграждения ожидают в раю шахида, встретившего смерть на пути веры в следующем порядке: 1) с первой пролитой каплей крови ему прощаются все грехи; 2) увидит свое место в раю; 3) будет защищен от наказания и ужасов пребывания в могиле; 4) на его голову будет надета корона достоинства; 5) получит 72 гурии в жены и получит возможность на загробном суде заступиться за 70 своих родственников [5, с. 255]. Но все эти награды будущий шахид должен заслужить своими мыслями, словами и поступками, так как рай – это только, с одной стороны, милость Аллаха, с другой – награда за земные деяния верующего. Непонятным здесь остается только то, как обитатели Фирдаус могут воспользоваться частью этих вознаграждений, если они там пребывают в форме чистых духовных сущностей, которым не свойственны какие-либо чувственные наслаждения. Тем более что шахиды по определению изначальным актом самопожертвования, попирающим животный инстинкт самосохранения, уже отвергли все, что может быть ассоциировано с мирскими благами, но получили взамен возможность непосредственного созерцания Создателя и свободного сверхчеловеческого наслаждения райскими прелестями. На это указывают многие авторитетные исламоведы, в частности А. Шариати, который пишет, что шахидом становится лишь тот, кто «отрицает все свое существование во имя сакрального идеала... Вся святость данного идеала переносится на его существование. Правда, его существование внезапно

обернулось несуществованием, однако он вобрал в себя всю ценность той идеи, за которую отдал жизнь» [3, с. 269].

Возвращение душ шахидов в человеческие тела, обретение ими телесной природы становится, таким образом, необходимым условием возможности получения чувственных райских наслаждений. Выходит, что многочисленные удовольствия, имеющие плотскую природу (общение с гуриями, вино, мед, молоко и прочее), не предназначены для шахидов высшей ступени рая, они адресованы исключительно шахидам предшествующих Фирдаус уровней. А шахиды, принявшие мученическую смерть, «сражаясь в первом ряду и не поворачивая своих лиц, пока не погибнут», получают высшее райское вознаграждение, т. е. возможность непосредственного созерцания Всевышнего, что для них предпочтительнее всей совокупности телесных привязанностей. Но тогда кого ожидают различные райские блага, имеющие чувственную материальную природу, если не павших в сражениях шахидов ислама?

Из хадиса, приведенного в «Сахихе» Муслима, проясняется то, что в рай попадают и те усопшие, которые заботились о вдовах, сиротах и бедняках: «Тот, кто заботится о вдовах и бедняках, подобен тому, кто сражался на пути Аллаха»..., «и тот, кто опекает сироту за свой или чужой счет» [5, с. 178]. Очевидно, что именно такие шахиды, воскресая в телесной форме и располагаясь на предшествующих Фирдаус уровнях загробного пристанища, и вознаграждаются всеми теми материальными благами, которыми изобилует рай и которые не привлекательны для обитателей высшей его ступени, в силу исключительно духовной формы их существования.

Другая группа шахидов, которая также получает возможность наслаждаться обещанными райскими телесными уладами, образуется из мусульман, которые были убиты, «убегая с поля боя». Для характеристики таких шахидов теологи, в частности Х. Юждеоглу, используют понятие «совершенный шахид», обозначая им того, кто случайно пал от «собственной руки», но при этом обязательно умер, сосредоточив свои помыслы на вере [25, с. 144]. О них же говорит и Аль-Ашкар, когда пишет, что от шахидов, «сражавшихся в первом ряду», отличается группа шахидов, образованная из тех, кто умер от продолжительной болезни, во время родов, при защите своего имущества [5, с. 167]. К шахидам, которым будут доступны чувственные улады, относятся и умершие насильственной смертью, в числе которых – убитые человеком или животным, погибшие во время стихийных бедствий и эпидемий, утонувшие, отравленные, скончавшиеся во время хаджа и т. д. [13, с. 296].

Утверждение, что шахидом становится «свидетель в суде, при торговых сделках, при заключении брака», по всей видимости, также следует понимать, как разъяснение, что любой правоверный мусульманин, который прожил свою земную жизнь в строгом соответствии с нормами и требованиями ислама, жертвовал душой, телом и имуществом на пути ислама может в вечной жизни рассчитывать на статус шахида, хотя и разного уровня. Такой шахид будет располагаться на одной из ста ступеней рая и получит возможность пользоваться обещанными вознаграждениями, доступными на данном конкретном уровне загробного пристанища. Выходит, что все шахиды, независимо от того, на какой предшествующей Фирдаус ступени рая они окажутся, получают возможность наслаждаться всеми чувственными вознаграждениями, обещанными за приверженность вере или какой-то частью их.

Несмотря на различное положение отдельных групп шахидов в загробном пристанище, во всех проявлениях шахидства значима его суть: шахидом может стать лишь тот мусульманин, кто обменял свою земную жизнь на вечное

существование на пути джихада. Только здесь важно адекватное понимание джихада, не сводящееся исключительно к трактовке его как священной войны или газавата, которую должны вести мусульмане при сложившихся конкретных условиях против иноверцев и неверующих. Глубинная сущность джихада заключается в сосредоточении сознания, воли, желаний, усилий верующего на пути укрепления веры в Единого Аллаха, на защите и распространении этой веры, а также подчинении личной и общественной жизни всем правилам и требованиям исламской религии³.

Из понимания джихада как средства укрепления веры в Единого Аллаха в себе и других людях следует то, что мусульманин, погибший в погоне за мирскими благами, даже если смерть настигла его на войне, не приобретает статус шахида. Если даже его и похоронят как шахида, он не только не будет вознагражден пребыванием в раю, но и, напротив, будет наказан адскими испытаниями. Место в раю гарантировано лишь искренне верующим мусульманам, которые на пути Аллаха пожертвовали своей жизнью, своими душами, телами, имуществом ради укрепления мусульманской уммы. «На протяжении всей истории героическая смерть (шахада) была одним из сокровеннейших желаний мусульман и высочайшей из вершин, к которой они стремились» [11, с. 143]. «Аллах удостоил хвалы и даровал ранг шахида тому, кто умер или был убит во имя цели, которая была поставлена Всевышним перед верующими. Тому, кто шел к этой цели с одним лишь желанием угодить воле Божьей, стараясь следовать всем заповедям и защищая то, что Аллах велел защищать» [11, с. 144]. Таким образом, преследование каких-либо меркантильных экономических, финансовых, политических, коммерческих, иных подобных целей и ценностей, смерть в погоне за мирскими благами не являются в исламе шахидством и не возносят усопших в ранг шахидов. Лишь тот, кто обменивает свою земную жизнь на вечное существование исключительно ради Аллаха, становится шахидом ислама.

Итак, на статус шахида в исламе может претендовать только тот мусульманин, который в сложившихся конкретных условиях, по объективной необходимости оказался готовым пожертвовать своей жизнью, но при этом важно то, что он сознательно не искал смерти и не обрекал на смерть других людей. Террорист, который готовится стать смертником и которого часто и неправомерно отождествляют с шахидом, заранее планирует свое самоубийство или (что еще хуже), его смерть планируют другие, те, кто берет на себя право корректировать божественно предопределенную индивидуальную судьбу отдельного мусульманина. Такой террорист-смертник ни при каких иных условиях не может претендовать на статус шахида по той простой причине, что уже одной только своей смертью, не говоря об убийстве других людей – случайных жертв теракта, он не укрепляет веру, не способствует улучшению или увеличению уммы, а, напротив, расшатывает и ослабляет умму, отвращает других людей от ислама. К тому же, уничтожая в акте самопожертвования иноверцев или неверующих, террорист-смертник уменьшает число людей, которые потенциально со временем могли бы стать мусульманами и способствовать количественному росту уммы. В любом случае террорист-смертник оказывает деструктивное воздействие на умму и поэтому акт его самопожертвования не рассматривается в исламе как проявление шахидства.

³ Более подробно о джихаде см.: *Яхьяев М.Я., Яхьяев А.М. Феномен джихада в исламе // Исламоведение. – 2020. – № 4.*

Отношение ислама к самоубийцам

Запрет на самоубийство является принципиальным положением исламской религии, исходящей из того, что каждый человек – это творение Аллаха, жизнь которого священна. Коран предписывает: «И не убивайте самих себя. Поистине, Аллах к вам милосерд! А кто делает это по вражде и несправедливости, того мы сожжем в огне. Это для Аллаха легко. Если вы будете отклоняться от великих грехов, что запрещается вам, Мы избавим вас от ваших злых деяний и введем вас благородным входом» [14, с. 85].

Более того, убийство одного человека Коран приравнивает к убийству всего человечества: «...Кто убил душу не за душу или не за порчу на земле, тот как будто бы убил людей всех. А кто оживил ее, тот как будто бы оживил людей всех» [14, с. 106]. Есть также множество хадисов, предупреждающих о самом строгом наказании самоубийц: «Убивший себя железом будет до скончания века таскать на себе в аду орудие преступления. Отравившийся будет вечно пить свою отраву. Спрыгнувший с высоты будет вновь и вновь падать в самую бездну преисподней» [20]. И такое категорическое неприятие лишения себя жизни в исламской религии гармонично сочетается с допущением принципа возмездия, которое ни при каких обстоятельствах не должно выходить за рамки дозволенного: «И предписали Мы им в ней, что душа – за душу, и око – за око, и нос – за нос, и ухо – за ухо, и зуб – за зуб, и раны – отмщение» [14, с. 107].

О решительном неприятии Мухаммадом самоубийства красноречиво свидетельствует заявление по поводу смерти Кузмана, сделанное им после битвы мусульман с курайшитами у подножия горы Оход. Искусному воину Кузману, который был язычником, но сражался на стороне мусульман, Мухаммад перед сражением отдал свой меч, отличавшийся особой остротой и прочностью. И тот мечом Пророка зарубил десятерых врагов, но и сам получил смертельные ранения. Не желая переносить боль и страдания, Кузман решил ускорить свою смерть и вскрыл себе вены. Мухаммад, который всегда восхищался его храбростью, объявил о том, что тому уготован адский огонь, так как грех самоубийства не может быть смыт никакими заслугами. Так какие же основания считать шахидом ислама человека, сознательно совершающего самоубийство, ведь такой человек не может быть даже похоронен на общем кладбище рядом с родственниками?

Согласно исламской ортодоксии креативная активность Аллаху присуща постоянно, ибо он не только перманентно творит мир, но и прямо управляет им. «Знает Он, что на суше и в море; лист падает только с Его ведома, и нет зерна во мраке земли, нет свежего или сухого, чего не было бы в книге ясной» [14, с. 122]. В силу божественного всезнания Творец знает о каждом человеке, его задумках, последствиях его поступков. Более того, еще до рождения он предопределил индивидуальную судьбу каждого. Исламские авторитеты в своих комментариях подробно расписывают то, что любой поступок человека не только предписан, но и зафиксирован в отдельной книге записи предопределения. В книге индивидуальной судьбы отражено, как еще в утробе матери ангел оживляет человека, как бы вдувая в него дух, определены его удел, срок жизни, будущие дела. В ней же записано и то, будет ли он счастливым или же несчастным [6, с. 164–165].

Смыслом человеческой жизни в исламе является поклонение Аллаху: «Я ведь создал джиннов и людей только, чтобы они Мне поклонялись» [14, с. 429], а также «И сказал ваш Господь: “Зовите Меня, Я отвечу вам; поистине, которые превозносятся над поклонением Мне – войдут они в геенну на вечное пребывание” [14, с. 388]. Творец создал мир как испытание для человека, а для наслаждения он создал рай. «Благословен Тот, в руках которого власть и который властен над

всякой вещью, который создал смерть и жизнь, чтобы испытать вас, кто из вас лучше по деяниям» [14, с. 464]. Из приведенных аятов следует то, что содержание земной жизни мусульманина сводится к преодолению трудностей, предначертанных каждому, в процессе которого он и должен реализовать свое божественное предназначение.

В земном существовании человек как творение и раб Аллаха наделен правом выбора своего жизненного пути. Будучи покорным, он может войти в рай, будучи мятежным, – попадет в ад. Все индивидуальные испытания человек должен перенести, соблюдая предустановленные законы, правила, ограничения, если конечно, он покорен воле Творца. Самоубийство не является предписанным мусульманину испытанием. Совершаемое по любым причинам и при любых обстоятельствах оно расценивается как произвольная попытка исправить план Создателя, внести изменения в предначертанную судьбу. А это уже не что иное, как крайняя форма неверия в мудрость Творца, в совершенство обустроенного им миропорядка. Выходит, что самоубийство является оспариванием волеизъявления Бога путем принятия самостоятельного решения о прекращении своей жизни, что является тягчайшим грехом для мусульманина. Именно поэтому ислам всегда осуждал и сегодня порицает самоубийц.

В Коране много раз повторяется, что только Аллах предопределяет завершение всех земных дел человека. Весь жизненный цикл человека отмерен Создателем, и только он принимает решение, когда тот или иной конкретный человек должен покинуть этот мир. Верующий не может быть недоволен жизнью как божественным даром, хочет он того или нет, он должен жить. Каждый мусульманин, то есть покорный воле Всевышнего, как своей жизнью, так и своей смертью свидетельствует о покорности. Свидетельством покорности является и готовность пожертвовать собой. Только самоубийство оказывается проявлением безверия и восстанием против Бога, отсутствием преданности Творцу. Таким же проявлением безверия и безусловным отрицанием божественного предустановления является в исламе и лишение жизни другого человека. Никто из террористов-смертников не может знать, кто же конкретно окажется на месте проведения теракта, а значит, он не может знать предначертанной судьбы случайной жертвы. И тот, кто готовит террориста, внушая ему богоугодность совершения суицидального акта, демонстрирует свое неверие во Всевышнего, так как и он не знает, кто же еще конкретно пострадает в такой акции. Да это ему и неважно, а важно быстрее использовать малодушного, запуганного, одураченного, зомбированного человека в качестве «пушечного мяса», пока тот не осознал, что стал марионеткой в чужих руках.

Если в книге судеб предначертана гибель от действий террориста, то закономерно возникает вопрос: а печальный конец несчастных женщин, безгрешных детей, почтенных старцев, праведных мусульман, которые случайно оказываются на месте совершения терактов, – разве именно такой конец им предписан. Скорее нет, и террорист, представляя себя воином Аллаха и убивая других людей, вмешивается в божественный промысел. Он оказывается человеком, не верующим во всемогущество Бога, считающим, что Бог что-то напортачил в своем творении, а ему предстоит исправить созданное Творцом.

Таким образом, самой значимой преградой на пути превращения мусульманина в самоубийцу является вера в божественное предопределение (кадар). «Ничто не постигает из событий на земле или в ваших душах, без того, чтобы его не было в писании раньше, чем Мы создадим это» [14, с. 447]. Но вожди-

вдохновители терроризма не считаются с канонами исламской религии. Дешевизна подготовки смертника, высокая вероятность доставки СВУ на место совершения подрыва, отсутствие необходимости готовить пути отступления, легкость нагнетания массовых страхов, возможность получения прижизненной славы как «шахида» и многое другое служат оправданием использования верующего, доведенного до фанатичного состояния, в качестве средства достижения военно-политических целей, далеких от ислама. Аят «Не вы их убивали, но Аллах убивал их, и не ты бросил, когда бросил, но Аллах бросил, чтобы испытать верующих хорошим испытанием от Него» [14, с. 155], ниспосланный после победы при Бадре в 624 году, переосмысливается ими не только как оправдание самоубийства. Он представляется как направление поступка смертника самим Аллахом, где смертник лишь игрушка в руках Бога. Дело в этой кровожадной игре иногда доходит даже до того, что тело смертника расписывается кораническими изречениями, на него навешиваются амулеты, якобы освящающие действия смертника. Очевидно, что достижение военных или политических целей идеологов терроризма важнее религиозных идеалов и ценностей. Подтверждением вышесказанному является заявление одного из смертников, которому не удалось привести в действие взрывное устройство: «Когда ты выходишь за дверь с поясом смертника, сам Бог совершает все остальное...». «Ты просто приводишь это в действие, и сам Бог позволяет тому произойти. – Бог должен был воспламенить пояс смертника? – Да. Мне сказали, что сам Бог взорвет его» [26]. Здесь мы видим то, как смертнику внушили, что якобы не он осуществляет теракт, а сам Бог, и тем самым с него полностью снимается ответственность за происходящее.

Из всего сказанного мы можем заключить, что самоубийство, совершаемое мусульманином, противоречит внутреннему духу ислама, в соответствии с которым высшей добродетелью человека является полное подчинение воле Аллаха. Лишение себя жизни как акт, корректирующий предначертанную индивидуальную судьбу человека, предстает преступным отказом от подчинения воле Всевышнего, за которым последует неизбежное наказание. Об этом говорят многие исламские авторитеты, в частности Шейх Мухаммад ибн Салих аль-Усаймин: «Кто убьёт себя, тот на века вечные окажется в пламени Ада, постоянно там будет пребывать, как об этом сообщается в хадисе Пророка (мир ему и благословение Аллаха). Потому что это убийство самого себя не для пользы ислама. Если он убьёт себя и заберёт с собой десять, сто или двести человек, это не принесёт исламу никакой пользы, люди не войдут в эту Религию. ... Тот, кто делает это, не является шахидом (мучеником за Веру)» [10].

Шахидизм как военно-политическое превращение шахидства

Имеющее широкое хождение в современном мире представление шахидов как террористов-смертников, обвешанных взрывчатыми веществами, является следствием преднамеренно осуществляемого превращения шахидства в шахидизм, придания религиозному исламскому феномену трансформированной идеологической и военно-политической формы. Об опасности такого превращения «шахидства» в «шахидизм» пишут многие отечественные исследователи, в частности В. Акаев: «Шахидизм – не столько религиозный, сколько политический феномен. Шахид – мусульманин, принявший мученическую смерть, защищая веру, насильственно убитый или погибший в ходе сражения против врага, напавшего на его родину. Намеренная гибель в суннитском правоведении приравнивается к самоубийству, что осуждается исламом. Шахидизм, представляющий собой намеренное самоубийство, осуществленное через теракт, в ходе которого гибнут

мирные люди, с точки зрения ортодоксального ислама также подлежит осуждению» [1, с. 439].

Категория «превращенная форма» используется в диалектической методологии для обозначения таких социальных отношений, в которых форма их существования приобретает самостоятельное значение, обособляется от исходного содержания, которое замещается трансформированными отношениями. Превращенная форма приобретает качества, которые отличаются от исходных и которые выступают вне связи с подлинной сущностью явления. В результате место адекватной содержанию формы занимает квазиявление, существующее вполне объективно, дискретно и самостоятельно. Спецификой превращенной формы становится новая «содержательная» роль, основанная на искажении действительной сущности. Превращенная форма существует уже как новая онтологическая реальность, особенность которой заключается в том, что она предстает продуктом искажения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определенном ее уровне и скрывающего их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями. Иначе говоря, отличительная черта превращенной формы состоит в объективной устраненности изначальных содержательных моментов. И эта видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренней связи, начинает играть роль самостоятельного механизма в реальных процессах, а связи действительного происхождения оказываются «снятыми» в ней. Особенностью превращенной формы религиозного феномена становится извращение исходного содержания или такая его переработка, что оно становится неузнаваемым. Но сама эта косвенная фигурация выступает как вполне самостоятельный, отделенный в пространстве и времени предмет. В своем самостоятельном существовании превращенные формы религиозных явлений – это такие же абсурды, как и жареные логарифмы, но в отличие от последних они – часть нашей реальности.

На основе сказанного мы можем вывести, что превращенная форма исламского явления – это форма существования, которая искажает, восполняет и замещает исламское содержание и в которой исходные, собственно исламские звенья «сжимаются» в особое состояние и порождают новое качество, новую действительность. И такие формы уже ведут самостоятельную, не связанную с исламом жизнь, но продолжают восприниматься общественным сознанием как реально исламские феномены. Одной из таких превращенных форм исламских феноменов и является шахидизм.

Формирование шахидизма как превращенной формы исламского шахидства осуществляется идеологами терроризма путем искажения многих положений Корана и Сунны, игнорирования духа ислама, его установок на то, что забота о своей жизни, как и о жизни других людей, является важнейшим предписанием исламской религии. Ислам последовательно осуждает как самоубийство, так и лишение жизни другого человека, квалифицируя их как тягчайший грех, сравнимый с ширком, т. е. нововведениями. Совершающий самоубийство в исламе не то что не может вознестись в шакиды, он вообще не может рассчитывать на то, что попадет в рай. Но вождям-вдохновителям терроризма крайне значимо трансформировать шахидство в шахидизм. Поэтому, не считаясь с ортодоксальным пониманием шахидства, логично вытекающим из Корана и Сунны, они неизменно и впредь будут извращать его, придавая превращенную форму шахидству и объявляя шахидизм исключительно религиозным исламским феноменом. На это обращают внимание многие серьезные исследователи, в частности И.П. Добаев,

который высказывается против такого толкования термина «шахид», вуалирующего собственно исламский смысл этого понятия [9, с. 5]. Но как говорили в древности мудрые китайцы: «Можно найти черную кошку в темной комнате, даже если знаешь, что ее там нет». Теоретики терроризма, следуя этой премудрости, селективно отбирают отдельные положения авторитарных источников ислама, ущербно трактуют их и представляют самоубийственный терроризм как мученическое служение исламской религии. Они в упор не слышат, что авторитетные исламские теологи много раз разъясняли, – самоубийца ни при каких условиях не может считаться мучеником веры и для него уготован адский огонь. Об этом пишут даже те салафитские толкователи Корана, многих из которых иные «друзья» ислама пытаются представить как проводников терроризма в современном мире.

Преобразование шахидства в шахидизм происходит не только усилиями радикальных исламистов, стремящихся использовать в своих военно-политических целях отдельных мусульман, обращаемых в злобных фанатиков. Подобная трансформация преднамеренно осуществляется еще и стараниями отдельных представителей западной исламистики, изначально враждебно настроенных ко всему исламскому. Яркий пример – статья Владимира Френкеля, опубликованная в журнале «Россия и мусульманский мир», где проводится тезис: «В исламе мученик – шахид – это тот, кто убил наибольшее количество «неверных» ценой самоубийства (причем убитые им невиновные люди не считаются мучениками, они же просто собаки с точки зрения ислама)» [21, с. 127].

Одним из сложных аспектов шахидства, тенденциозная трактовка которого способствует его метаморфозе в шахидизм, является переосмысление понятия шахид в контексте дихотомии *живой–мертвый*. Для исламских теологов всегда было очевидным то, что шахид – это не живой человек, а исключительно тот, кто принял мученическую смерть, защищая свою веру, родину, семью, честь. Более того, исламские ортодоксы всегда проявляли крайнюю осторожность в вопросе объявления какой-то личности шахидом, так как провозгласить кого-либо конкретно шахидом равнозначно объявлению о получении откровения от самого Аллаха в том, что умерший раб божий уже находится в числе обитателей рая. И поэтому они всегда ограничивались общим определением понятия *шахид* и никогда не указывали на тех, кто достиг такого райского статуса. Другое дело идеологи терроризма, эти «заклятые друзья» ислама, которые неустанно трубят о шахидах, готовящих террористический акт, о пойманных и осужденных шахидах, о террористах-шахидах, взорвавших себя и т. п. Отождествляя шахидство с шахидизмом и называя террориста-самоубийцу героем-мучеником ислама, «отдающим жизнь ради великой цели», они рассуждают о колоссальном росте статуса шахида внутри групповой иерархии, обретении им высочайшего общественного и религиозного одобрения.

И что удивительно, подобной логикой иногда руководствуются не только иные светские исследователи, но и теоретики профессионального исламоведения, которые пытаются вывести классификацию разновидностей шахидов и тем самым тиражируют ходячее мнение о шахидизме как шахидстве. К примеру, даже составители Исламского энциклопедического словаря пишут о шахидах как о живущих среди людей, забывая о том, что статус шахида мусульманин получает только в райском пристанище: «Не имеет значения, был ли шахид убит врагом, или смерть наступила в результате несчастного случая, или шахид найден убитым после боя и причина смерти неизвестна...» [4]. А некоторые молодые исследователи, не вникая в теологические тонкости проблемы, и вовсе превращают высокую и благородную цель верующего-мусульманина стать шахидом в пугало

для обывателя. Пример тому мы находим в статье Н.С. Кузьменко «Формула северокавказского шахидизма: ахират минус дунья». Игнорируя тот факт, что шахидом в исламе называют лишь того, кто «собственной жизнью свидетельствует и подтверждает искренность своей веры», автор переинтерпретировала рассуждения Х. Юждеоглу (на которые она же и ссылается), таким образом, что совершенным, то есть безупречным, шахидом ею объявляется «мусульманин, достигший зрелости и обладающий здравым рассудком», и только «дети и душевнобольные не могут считаться совершенными шахидами» [15, с. 151].

Искажая фундаментальные положения исламской ортодоксии, что шахидами являются только пребывающие в вечной жизни, отдельные авторы пишут о существовании шахидов земной жизни и шахидов потустороннего мира. Так, к примеру А.М. Говоруха, пытаясь представить психологический портрет терроризма пишет, что «шахид переходит в число «избранных», которым, в случае успешного завершения теракта, ему/ей уготован рай... Члены группы максимально поддерживают шахида, который становится гордостью семьи и клана, – принеся такую жертву, группа сама очень сильно растет в общей иерархии, не прикладывая дополнительных усилий... Шахид уже не принадлежит себе самому, но – всей умме и лично Богу...» [8, с. 3].

Такая странная логика подводит автора не просто к отождествлению шахида с террористом-смертником, а к постановке прямо провокационного вопроса: а не «...являются ли смертники-шахиды психически больными людьми?» [8, с. 3]. И так легко величайшее явление в исламе – героическая смерть как сокровенное желание мусульманина и высочайшая вершина, к которой он только может стремиться – превращается в характеристику психически больного человека, страдающего шизофренией на религиозной почве. Говоруха почему-то не видит то, на что указывает сам же, а именно, в исламской традиции общепризнанным является то, что «мусульманин, осуществивший осознанное самоубийство, не может считаться шахидом. Самоубийство, повлекшее за собой гибель мирных людей, является тяжким грехом, которого Бог никогда не прощает» [8, с. 6].

Многие серьезные исследователи обращают внимание на то, что действия террористов-смертников не имеют отношения к шахидству, и поэтому с термином «шахид» они употребляют словосочетание «так называемый» [23, с. 14]. Но есть и такие авторы, которые упорно проводят параллели между шахидством и шахидизмом, шахидами и террористами-самоубийцами и тем самым навязывают массовому сознанию мысль о шахидизме как исламском явлении [19, с. 69]. А иные, к примеру А. Хазанов, и вовсе договариваются до признания существования боевых отрядов шахидов, которые «с помощью священной войны могут навязать исламский порядок даже тем странам, которые превосходят их в военном отношении» [22, с. 59–61]. Или как утверждает С. Бекбосынова: «Шахиды составляют своеобразные батальоны религиозных смертников» [7, с. 75].

Стоит ли после этого удивляться тому, что слово «шахид» «в русском языке ... семантизируется с отрицательным оценочным компонентом «исламский террорист-самоубийца, камикадзе» [2, с. 37]. А такая семантизация, хотим мы того или нет, происходит, несмотря на существование в исламоведческой среде отчетливого понимания того, что стремление вождей-вдохновителей терроризма «освятить убийства мирных граждан исламскими лозунгами – всего лишь подлая спекуляция на религиозности и доверчивости зависимых от них людей» [17, с. 149].

Заключение

Таким образом, суть шахидства как религиозного исламского явления выводится из беззаветного служения мусульманина своей религии, его готовности в случае крайней необходимости пожертвовать своей жизнью ради веры в Единого Аллаха и укрепления мусульманской уммы. В понимании шахидства значимо то, что ни смерть в погоне за мирскими благами, ни самоубийство как произвольный акт, корректирующий божественное предопределение, не придают покинувшему земной мир статус шахида ислама. Шахидом в исламе становится только тот мусульманин, который на пути джихада как средства укрепления веры в Единого Аллаха в себе и других людях обменивает свою земную жизнь на вечное существование.

Усилиями идеологов радикализма и отдельных представителей западной исламистики шахидству как исламскому явлению путем искажения его религиозного содержания, привнесения в него нерелигиозных элементов придается превращенная форма шахидизма. В своей превращенной форме шахидизм предстает как результат преднамеренной трансформации исламского феномена в средство решения военно-политических задач и идеологию оправдания терроризма, и суицидального поведения отдельных верующих. Шахидизм в своей превращенной форме не имеет уже ничего общего с исламской религией, но в силу приобретенного им самостоятельного онтологического статуса продолжает восприниматься массовым сознанием как исламский феномен.

Литература

1. *Акаев В.Х.* Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2020.
2. *Александрова О.И., Захарова Е.В.* Особенности употребления и перевода лексики ислама в русскоязычных и англоязычных новостных текстах // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. – 2013. – № 1.
3. *Шариати Али.* Джихад и шахадат // Исламская интеллектуальная инициатива в XX веке / под общ. ред. Г.Д. Джемалая; сост., коммент. А. Ежовой. – М., 2005.
4. *Али-заде Айдын Ариф оглы.* Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007. – 396 с.
5. *Аль-Ашкар У.С.* Рай и ад (ал-Джанна Ва-н-нар) / пер. с араб., вступ. слово и примеч. Э.Р. Кулиева. – М.: Мир, 2007.
6. *Аль-Хаками Х.А.* 200 вопросов по вероучению ислама / пер. с араб., А. Нирши. – [Б. м.], 2005.
7. *Бекбосынова С.* Международный терроризм в современном мире // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. – 2007. – № 3. – С. 74–79.
8. *Говоруха А.М.* Психологический портрет терроризма как социальное явление // Приоритетные направления развития науки и образования. – 2016. – № 4-1 (11). – С. 276–279.
9. *Добаев И.П.* Исламистский «шахидизм»: мученичество или терроризм? // Мусульманский мир. – 2018. – № 2. – С. 5–16.
10. *Имам Мухйиддин Абу Закарийа Яхья бин Шараф ан-Навави.* Шарх. Сады праведных / пер. с араб. А. Нирши. – М.: Ummah, 2008. – 766 с.
11. *Ислам о терроре и акциях террористов-смертников: пер. с тур. / Мухаммед Фетхуллах Гюлен и др.; сост. Эргюн Чапан.* – М.: Новый Свет, 2005. – 176 с.
12. *Ислам: иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. М. Магомерзоев.* – М.: Эксмо, 2009. – 638 с.

13. Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991.
14. Коран / АН СССР, Ин-т востоковедения; пер. и коммент. И.Ю. Крачковского; ред. В.И. Беляев; авт. предисл. П. Грязневич, В. Беляев. – 2-е изд. – М.: Наука, 1986. – 727 с.
15. Кузьменко Н.С. Формула северокавказского шахидизма: ахират минус дунья // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7: Филос. – 2016. – № 4 (34). – С. 146–155.
16. Мекерова М.Д. «Зеленые птицы рая», или Мусульманская теология шахидства // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 1. – С. 22–26.
17. Петрищев В. Терроризм смертников // Россия и мусульманский мир. – 2011. – № 11. – С. 151–164.
18. Сады праведных: из слов Господина Посланников / сост. Имам Мухйид-дин Абу Закарийа бин Шариф ан-Навави (631–676 гг. х. / 1233–1277 н. э.); пер., примеч. и указ. Владимира (Абдулла) Михайловича Нирши. – М.: БАДР, 2001. – 879 с.
19. Сейджмен М. Сетевые структуры терроризма / пер. с англ. И. Данилина. – М.: Идея-Пресс, 2008. – 218 с.
20. Сунан Абу Дауд. Сборник хадисов / пер. с араб. Д. Шаймурзина. – 2-е изд. – М.: Имам, 2007.
21. Френкель В. Под тенью ислама // Россия и мусульманский мир. – 2003. – № 8. – С. 118–143.
22. Хазанов А. Исламский джихад // Азия и Африка сегодня. – 2007. – № 5. – С. 59–60.
23. Чудинов С.И. Терроризм смертников: проблемы научно-философского осмысления (на материале радикального ислама). – М.: Флинта; Наука, 2010.
24. Шахид // <https://ru.wikipedia.org/wiki>
25. Юджеоглу Х. Ислам о шахидах и террористах-смертниках // Ислам о терроре и акциях террористов-смертников / сост. Э. Чапан. – М., 2005.
26. The Cult of the Suicide Bomber 2 / Star. R. Baer, dir. K. Toolis (DVD-ROM). – The Disinformation Company, 2008.

References

1. Akayev V.Kh. *Sufism in the context of Arab-Muslim culture*. Grozny: State Unitary Enterprise "Book Publishing House", 2020. (in Russian)
2. Alexandrova O.I., Zakharova E.V. Features of the use and translation of the vocabulary of Islam in Russian-language and English-language news texts. *Bulletin of RUDN, Linguistics series*, 2013, no. 1. (in Russian)
3. Ali Shariati. Jihad and Shahadat. *Islamic Intellectual Initiative in the XX century* / Under total. ed. G. D. Dzhemal; comp., comm. A. Yezhova. Moscow, 2005. (in Russian)
4. Ali-zadeh, Aydin Arif oglu. *Islamic encyclopedic dictionary*. Moscow. Ansar, 2007. 396 p. (in Russian)
5. *Al-Ashkar US Paradise and Hell (al-Janna Van-nar)* / Transl. from arab., entry. word and notes by E.R. Kuliev. Moscow: Mir, 2007. (in Russian)
6. Al-Hakami Kh.b.A. *200 questions on the doctrine of Islam* / Translated from Arabic. V.A. Nirsha. [B. m.] 2005. (in Russian)
7. Bekbosynova S. International terrorism in the modern world. *Scientific-analytical journal Observer-Observer*, 2007, no. 3. P. 74–79. (in Russian)

8. Govorukha A.M. Psychological portrait of terrorism as a social phenomenon. *Priority directions of development of science and education*. 2016, no. 4-1 (11). Pp. 276–279. (in Russian)
9. Dobaev I.P. Islamist "Shahidism": Martyrdom or Terrorism? *Muslim world*. 2018, no. 2. Pp. 5–16. (in Russian)
10. Imam Muhyiddin Abu Zakariya Yahya bin Sharaf an-Nawawi. *Sharkh. Gardens of the Righteous* / Imam Muhyi-d-din Abu Zakariyya bin Sharaf an-Nawawi; per. with arab. Abdullah Nirsha. – Moscow: Ummah, 2008. 766 p. (in Russian)
11. *Islam about terror and suicide bombings*. Trans. from tur. / Mohammed Fethullah Gulen [and others]; comp. Ergun Chapan. M.: Novy Svet, 2005 (OJSC Mozhaisk polygraphic combine). 176 pp. (in Russian)
12. *Islam: an illustrated encyclopedia* / [author-comp. Moscow. Magomerzoev]. Moscow: Eksmo, 2009. 638 pp. (in Russian)
13. *Islam: Encyclopedic Dictionary*. Moscow. 1991. (in Russian)
14. *Koran* / Academy of Sciences of the USSR, Institute of Oriental Studies; Per. and comment. I. Yu. Krachkovsky; Ed. V.I. Belyaev; Auth. foreword P. Gryaznevich, V. Belyaev]. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1986. 727 p. (in Russian)
15. Kuzmenko NS Formula of North Caucasian Shahidism: Akhirat minus Dunya. *Bulletin of Volgogr. state un-that*. Ser. 7, Philos. 2016, no. 4 (34). Pp. 146–155. (in Russian)
16. Mekerova M.D. "Green birds of paradise", or Muslim theology of shahidism. *Scientific Thought of the Caucasus*. 2011. no. 1. Pp. 22–26. (in Russian)
17. Petrishchev V. Suicide terrorism. *Russia and the Muslim world*. 2011, no. 11. Pp. 151–164. (in Russian)
18. *Gardens of the Righteous: From the Words of the Lord of the Messengers* / Comp.: Imam Muhyi-d-din Abu Zakariya bin Sharif an-Nawawi (631–676 AH / 1233–1277 AD); Per., Note. and decree.: Vladimir (Abdulla) Mikhailovich Nirsha. Moscow. BADR, 2001. 879 p. (in Russian)
19. Sageman M. *Network structures of terrorism*. Translit. from English Ivan Danilin. Moscow: Idea-Press, 2008. 218 p. (in Russian)
20. Sunan Abu Daud. *Collection of Hadiths* / Per. with arab. Damir Shaimurzin. 2nd edition. Moscow: Imam, 2007. (in Russian)
21. Frenkel V. Under the shadow of Islam. *Russia and the Muslim world*. 2003, no. 8. Pp. 118–143. (in Russian)
22. Khazanov A. Islamic Jihad. *Asia and Africa today*. 2007, no. 5. Pp. 59–60. (in Russian)
23. Chudinov S.I. *Suicide Terrorism: Problems of Scientific and Philosophical Understanding (Based on the Material of Radical Islam)*. Moscow. Flinta. Nauka, 2010. (in Russian)
24. *Shaheed*. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (in Russian)
25. Yuceoglu H. Islam about shahids and suicide bombers *Islam about terror and actions of suicide bombers*. Moscow. 2005. (in Russian)
26. *The Cult of the Suicide Bomber 2* / Star. R. Baer, dir. K. Toolis (DVD-ROM). – The Disinformation Company, 2008.